

Михаил Окунь

**Ламарк, или Феномен
успешного надувания лягушки
через соломинку**

Михаил Окунь

**Ламарк, или Феномен успешного
надувания лягушки через соломинку**

«Институт соитологии (ИС)»

2016

Окунь М.

Ламарк, или Феномен успешного надувания лягушки через соломинку /
М. Окунь — «Институт соитологии (ИС)», 2016

ISBN 978-5-04-001529-0

История «пробивной» девушки, желающей во что бы то ни стало вступить в Союз писателей СССР и стать «официальным» писателем, рассказанная с юмором и некоторым оттенком ностальгии.

ISBN 978-5-04-001529-0

© Окунь М., 2016
© Институт соитологии (ИС), 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Михаил Окунь

Ламарк, или Феномен успешного надувания лягушки через соломинку

Рассказ

Дом писателя имени Маяковского! – уютный, целехонький, еще не горевший. Потайные винтовые лесенки, по которым можно попасть в самую неожиданную точку здания, говорливые половицы, кое-где сохранившаяся атласная обивка стен. Бильярдная, но лишь для избранных. Черные кожаные диваны и кресла с прямыми высокими спинками, с которых беззлобно глядят симпатичные резные львиные морды. Шаткие письменные столики красного дерева с множеством ящичков бюро. Бронзовые пегасы или сцены охоты на круглых тумбах по углам гостиных – Красной, Дубовой, Золотой... Аристократически неброский, но прекрасный Белый зал – место общих сходов.

Всё это будет спалено пожаром. Или же отнюдь не всё, о чем явственно шушукалась литературная общественность, – а кое-что под завывание пожарных сирен расплзётся по чиновничьим рукам и антикварным лавкам?

Буфет – особстатья. Помню полные достоинства писательские заискивания перед буфетчиком Гошей во времена унижительного алкогольного дефицита.

Но и в те поры народ исхитрялся. Однажды писатель Валерий Попов указал мне на только-только появившегося в зале переводчика, державшегося подчеркнуто прямо и строго: «Смотри, через полчаса под столом будет!» Все исполнилось в точности. В оправдание переводчика скажу, что, несмотря на отсутствие явно видимых внешних признаков опьянения, он словно светился изнутри. Такова была алкогольная насыщенность. Вероятно, запой длился далеко не первый день.

Сухонький старенький поэт-песенник Соломон Фогельсон с непременным потертым портфельчиком приходит обедать ежедневно – для него это ритуал. Обязательно выпивает сто граммов водки – «голодная стопочка». Во времена алкогольных запретов носит с собой шкалик. Иногда по дряхлости его от этой дозы изрядно развозит. По подбородку текут щи, ошметки кислой капусты летят на стол.

Я помню, как в свои лучшие годы он выступал у нас в школе. Что-то энергично пел, аккомпанируя себе на рояле, читал стихи, рассказывал о композиторе Соловьеве-Седом, порицал тех, кто неясно пишет. Показался мне тогда крупным дядькой с черной гривой волос. Вот оно, время! «Потому, потому что мы пилоты...»¹

В извие мраморной лестницы на пути в буфет стоял огромный гипсовый Маяковский, выкрашенный под металл. Ох, и доставалось же ему в начале шебутных девяностых! Как-то раз один подающий большие надежды молодой пиит, плотный и круглоголовый, усевшись на широкие беломраморные перила объемистым задом, упёр ноги в спину слововержца и попытался его завалить. Решил скинуть, так сказать, с парохода современности. Не вышло! – далеко ему оказалось до Карабчиевского.² Всё, на что хватило мочи – отбил лишь носок ботинка у статуи.

Да и прочие ожидания, связанные с тем юным бунтарем, увы, не сбылись. А ведь когда-то ругательски ругал власти, ходил, подпоясанный вервием, акции устраивал (например, свинтил где-то со стены медную дощечку с Пушкиным, а потом сам же её «обнаружил»

---

¹ Песня из кинофильма «Небесный тихоход». Автор текста – С. Фогельсон. (Здесь и далее – примечания автора).

² Ю. Карабчиевский. «Воскресение Маяковского». М., 1990.

и торжественно водворил на место, о чем пресса отозвалась благодарственной заметкой). А нынче – тёмно-серый костюм-тройка, бордовый галстук (этакий партийный набор), ездит на собственных «Жигулях», чем-то руководит в одном их «союзов писателей», расплодившихся, как шампиньоны в сыром сумраке теплицы. В общем, одно лишь хитроватое перекрестье его лица не обмануло.

Забегая вперед, замечу, что героиня этого повествования подобных вольностей в юности никогда себе не позволяла. Она всегда, всеми силами рвалась вписаться в истеблишмент. Что ей и удалось как нельзя лучше.

В начале восьмидесятых годов на одном из поэтических вечеров в Красной гостиной впереди меня уселась примечательная парочка. Она – прямая деваха с каким-то странным боковым хвостом на голове и баскетбольными плечами, он – сухощавый человек с густой седой шевелюрой, лет на двадцать пять постарше спутницы. Но зато в росте преимущество было на её стороне – на полголовы. Когда по окончании вечера они поднялись, эта разница сохранилась.

Девницей я, естественно, заинтересовался. Юморист Андрюха Шугай пояснил:

– Это Машка Ламарк.

– Что за каламарк? – не расслышал я.

Потом посмеялись: комиссией по делам молодых литераторов при ленинградской писательской организации в то время руководил детский поэт по имени Ламарк Николаевич Гузлов. А у этой псевдоним, что ли? Если псевдоним, то весьма целенаправленный, Ламарку Николаевичу должно понравиться.

Как и следовало ожидать, оказалось, что Маша пишет стихи и на вечерах желает быть не рядовым слушателем, а участником. Но стихи ее – совсем увы! Тем не менее, однажды Гузлов сокрушенно покачал головой и... включил-таки Машу в число читающих на очередном выступлении молодых стихотворцев. И псевдоним тут был совсем ни при чем.

Выяснилось, что супруг Маши – тот самый, седовласый, – никто иной, как Борис Петрович Кузнечихин, главный художник Ленинградского отделения союза художников. Как это ни комично звучит – «главный художник» (может, он и над рядовым Ван Гогом главный?), но существовала такая высокая официальная должность – со всеми вытекающими последствиями. Ведь ни для кого не было секретом, что творческие союзы перекрестно опыляли друг друга. И довольно активно.

На первом же вечере, где Маша декламировала, присутствовало большое количество экзальтированных балъзаковских дам с изошренными букетами и даже корзинами цветов. Когда смолкли Машины запевки, одна из них вскричала испуганным басом: «Это поэтесса от бога!» Народ сильно изумился. По окончании вечера дамы дружно обложили цветами высокую Машину фигуру и встали в оцепление вокруг тандема Кузнечихин – Ламарк. Надувание лягушки стартовало.

С наступлением весны все закоулки Дома писателя наполнились звонкими молодыми голосами, к вечеру становившимися весьма нетрезвыми. Это началось очередное мероприятие под названием «Конференция молодых литераторов Северо-Запада». Всем писательским сообществом принялись искать новые голоса, желательно не надтреснутые, – в поэзии, прозе, даже в столь неопределенном жанре, как публицистика. Гостиные были отведены под работу семинаров. В Белом зале ежедневно бурлили литературные вечера. Буфет изнемогал.

Конференции предшествовал суровый отбор по рукописям. Наша героиня, естественно, не могла его не пройти. Однако на самой конференции Маша лавров не снискала. Юные провинциалы были не в курсе влиятельного супруга и критиковали задиристо

и нелицеприятно. По застольным тусовкам пошли гулять Машины провальные строчки. Про то, как она на Красную площадь ступает «раскованной ногой», еще про каких-то старух «на карачках» в подземных переходах. Стоящих на коленях видывали, чем дальше, тем больше, а на карачках – не доводилось. Или Маша, по слабому русскому, нечто другое имела в виду? Помнится также оригинальная рифма «Иваныч – на ночь». Маяковский за подобными предлагал, вроде бы, в Венецуэлу гонять.

Поэт Ира Золотаревская, одна из руководителей Машиного семинара, со своей обычной горьковато-ироничной улыбкой рассказывала, что девушка имеет собственное мнение о поэзии, которое она и не преминула высказать на обсуждениях: Пастернак – нехорош, Мандельштам – еще хуже. Словом, отнюдь не те гении, за которых держит их читающая публика.

К данному же периоду относится и написание Машей поэмы о Блоке (этого крепко уважала). Отрывки из неё она зачитывала позже на одном из вечеров. Закончена ли поэма, не ведаю. Выяснить это – дело грядущих исследователей творчества Марии Ламарк.

В произведении герой представлен высокорослым, с косою саженью в плечах. На чьето острожное замечание, что поэт был, вообще-то, среднего роста и довольно узкоплеч, Маша запальчиво отрезала: «А я его *таким* вижу!» Нынче того запала в ней уж не сыщешь – ведет себя снисходительно, по-олимпийски. Как и надлежит персоне «при делах».

По итогам конференции Маша никаких рекомендаций не заполучила – ни на публикацию подборки в журнале, ни, тем более, на книжку. Таким образом, на этой стадии надувание дало некоторый сбой. Но лишь временный.

Грянул апрель 1985 года, перестройка. Её волна годом позже вынесла делегацию молодых питерских авторов на столичный литературный брег. Помню бурные «круглые столы», взаимные попреки, уверения главного редактора журнала «Деревенская молодежь» Олега Понцова, что теперь-то вот *всё* и начнется. (В скобках замечу, что для него самого, пожалуй, и началось – на некоторое время. Он успел поруководить одним из основных телеканалов, но нынче отставлен и задвинут за шкаф.) Метаметафорист (или метарелист?) Парщиков был недоволен тем, что нет в ленинградской группе представителей питерского андеграунда. Восходящая звезда прозы Слава Пьецух призывал жить дружно. Той поездке, кстати, лично я благодарен именно за возникшую дружбу с ним.

Если в бойкости речей мы уступали московским молодым из-за их близости к «источнику знаний», то в последовавших затем возлияниях могли дать им явную фору. Тут к источнику ближе были мы – в Ленинграде не столь сильно гайки закручивали. Тот же Парщиков, отведая в гостиничном номере из нашего родника, сделался благодарным и с горечью заметил, что водочный вкус стал уже забываться – в последний раз он дегустировал продукт с полгода назад. Я подумал, что самое время создать нечто ностальгическое под названием «Вкус водки». Почему бы нет? Роман «Вкус хлеба» одного советского классика переиздавался неоднократно, в питерском театре на Рубинштейна с аншлагом шла пьеса «Вкус меда».

Машу в делегацию первоначально почему-то не включили – видимо, по недосмотру Бориса Петровича. Но она, по выражению одного члена группы (беллетриста – рок-музыканта – прыгуна в высоту), «продавилась». Попросту, приехала за свой счет, устроилась в ту же комсомольскую гостиницу «Орленок» и начала «принимать участие».

С собою у девушки была солидная пачка её художественных фотопортретов. Она охотно дарила их на различных встречах тем людям, которых считала нужными. Впоследствии я заметил – Машины стихи при публикациях всегда сопровождаются снимками. Точнее, снимки – стихами. Отдельно последние совсем теряются.

У меня сохранился желтоватый номер «Московского комсомольца». На первой полосе поднял указательный палец и открыл рот Горбачев. На последней – отчет о посещении редак-

ции делегацией молодых ленинградских писателей. Групповое фото: в центре сидит улыбающаяся Маша Ламарк, вокруг сгрудились прочие члены, как бы уже номинальные. Давно ли это было? Будто еще сегодня утром радовался свежему типографскому листку...

В подарок от гостеприимных москвичей мы привезли два металлических бюстика Ленина разного размера. Еще бы парочку другого калибра, и вполне можно было бы ставить их на комод в ряд по росту, как незабвенных фаянсовых слоников.

Через некоторое время плоды усилий четы Кузнечихиных дали всходы – в московском издательстве «Лицом к деревне» выходит под одной обложкой с прочими первая Машина книга. Название – «Колея». Содержание такое, какое и потребно «ЛКД»: стёжки-дорожки, «сарафан-то розовый на мне...» Ни строчкой, ни полусловом автор не выдает, что проживает, вообще-то, в северной столице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.